

Вестник

Томского государственного университета

№ 341

Декабрь

2010

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ
- КУЛЬТУРОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПРАВО
- ЭКОНОМИКА
- ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА
- БИОЛОГИЯ
- НАУКИ О ЗЕМЛЕ

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Майер Г.В., д-р физ.-мат. наук, проф. (председатель); **Дунаевский Г.Е.**, д-р техн. наук, проф. (зам. председателя); **Ревушкин А.С.**, д-р биол. наук, проф. (зам. председателя); **Катунин Д.А.**, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь); **Аванесов С.С.**, д-р филос. наук, проф.; **Берцун В.Н.**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Гага В.А.**, д-р экон. наук, проф.; **Галажинский Э.В.**, д-р психол. наук, проф.; **Глазунов А.А.**, д-р техн. наук, проф.; **Голиков В.И.**, канд. ист. наук, доц.; **Горцев А.М.**, д-р техн. наук, проф.; **Гураль С.К.**, канд. филол. наук, проф.; **Демешкина Т.А.**, д-р филол. наук, проф.; **Демин В.В.**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Ершов Ю.М.**, канд. филол. наук, доц.; **Зиновьев В.П.**, д-р ист. наук, проф.; **Канов В.И.**, д-р экон. наук, проф.; **Кривова Н.А.**, д-р биол. наук, проф.; **Кузнецов В.М.**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Кулижский С.П.**, д-р биол. наук, проф.; **Парначев В.П.**, д-р геол.-минер. наук, проф.; **Петров Ю.В.**, д-р филос. наук, проф.; **Портнова Т.С.**, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ; **Потекаев А.И.**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Прозументов Л.М.**, д-р юрид. наук, проф.; **Прозументова Г.Н.**, д-р пед. наук, проф.; **Савицкий В.К.**, зав. редакционно-издательским отделом ТГУ; **Сахарова З.Е.**, канд. экон. наук, доц.; **Слизов Ю.Г.**, канд. хим. наук, доц.; **Сумарокова В.С.**, директор Издательства ТГУ; **Сущенко С.П.**, д-р техн. наук, проф.; **Тарасенко Ф.П.**, д-р техн. наук, проф.; **Татьянин Г.М.**, канд. геол.-минер. наук, доц.; **Унгер Ф.Г.**, д-р хим. наук, проф.; **Уткин В.А.**, д-р юрид. наук, проф.; **Шилько В.Г.**, д-р пед. наук, проф.; **Шрагер Э.Р.**, д-р техн. наук, проф.

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ ВЫПУСКА

Аванесов С.С., д-р филос. наук, проф.; **Галажинский Э.В.**, д-р психол. наук, проф.; **Гураль С.К.**, канд. филол. наук, проф.; **Демешкина Т.А.**, д-р филол. наук, проф.; **Зиновьев В.П.**, д-р ист. наук, проф.; **Канов В.И.**, д-р экон. наук, проф.; **Кулижский С.П.**, д-р биол. наук, проф.; **Парначев В.П.**, д-р геол.-минер. наук, проф.; **Петров Ю.В.**, д-р филос. наук, проф.; **Прозументов Л.М.**, д-р юрид. наук, проф.; **Прозументова Г.Н.**, д-р пед. наук, проф.; **Шилько В.Г.**, д-р пед. наук, проф.

Журнал «Вестник Томского государственного университета»
входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук»
Высшей аттестационной комиссии
(Подробнее см.: <http://vak.ed.gov.ru>)

ПЕРЕДАЧА ПРАВОСЛАВНО МАРКИРОВАННОЙ НАРОДНОЙ РЕЧИ В НЕМЕЦКИХ ПЕРЕВОДАХ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ»

Анализируются проблемы передачи особенностей речи персонажей главы «Верующие бабы» в четырех немецких переводах. Трудности перевода на глубинном смысловом уровне обусловлены тем, что концепт «любовь», один из важнейших компонентов православной картины мира романа «Братья Карамазовы», реализован национально маркированными средствами: уменьшительно-ласкательными суффиксами и особыми формами обращений.

Ключевые слова: «Братья Карамазовы»; православие; народная речь; перевод.

Современная парадигма гуманитарного знания характеризуется ростом интереса к проблемам культурной идентичности и взаимодействия культур. В филологической науке все большую актуальность приобретают исследования национальной языковой картины мира, направленные на выявление специфики национальной ментальности, и изучение фактов межкультурной коммуникации, одним из которых является художественный перевод. Перспективным и актуальным подходом представляется интеграция этих двух направлений, т.е. исследование передачи национально маркированного компонента смысловой структуры художественного текста в переводе.

Предметом исследования является воссоздание многоуровневой системы элементов смысловой структуры романа «Братья Карамазовы», репрезентирующих специфику русской культуры и русской ментальности, в четырех разновременных немецких переводах: переводе Е.К. Разин (псевдоним Элизабет Кэррик) (1906 г.), Германа Рёля (1924 г.), Ханса Руоффа и Рихарда Хоффманна (1958 г.) и Светланы Гайер, украинки по происхождению (2003 г.). Выбор переводов определяется, прежде всего, их популярностью у немецкого читателя, о чем говорит большое количество переизданий. Каждый из этих переводов создавался на определенном этапе развития немецкого общества и немецкой культуры, что обусловило характер рецепции творчества Достоевского. Разин была переводчицей первого полного собрания сочинений писателя на немецком языке, в котором все книги предварялись вводными статьями инициатора издания Артура Мёллера ван ден Брука, известного своими националистическими взглядами. В эти годы также наблюдался огромный интерес к русской философской критике, в которой остро поднимались вопросы национального своеобразия, в частности, к произведениям Д. Мережковского. В первые десятилетия XX в., когда большая часть произведений Достоевского уже была переведена на немецкий язык, вокруг фигуры писателя сложился ореол непостижимости и экзотичности. В Достоевском видели выразителя русской души и посланника русской культуры, «мистика и христианина, ярчайшего выразителя русской идеи и самой православной России, чуждой и загадочной для западного человека» [1. С. 181]. Перевод Рёля возник в период наивысшего интереса к Достоевскому как религиозному мистик. Это единственный перевод, доступный в сети Интернет в рамках Проекта «Гутенберг», нацеленного на популяризацию классической литературы и литературных памятников в Германии. Перевод Руоффа и Хоффманна появился на новом витке развития филологической мысли и на-

учного интереса к вопросам перевода. По известным причинам националистические настроения в Германии были приглушены, и на первый план выходило стремление к объективности воссоздания особенностей оригинала с учетом опыта отечественных достоеведов (М.М. Бахтин). В это же время немецкие исследователи начинают обращаться к изучению текстов Достоевского на уровне поэтики. Наконец, перевод Гайер оказался актуальным и востребованным на современном этапе рецепции и получил ряд высоких оценок авторитетных литературных обществ, прежде всего за передачу особенностей языка Достоевского. По словам издателя нового перевода Эгона Аммана, «сейчас мы слышим целую симфонию» [2].

Притягательность Достоевского для иностранного читателя до сих пор во многом обусловлена присутствием в его произведениях всепроникающей стихии русского духа и русской веры. С максимальной полнотой православная стихия раскрывается в итоговом романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» на разных уровнях поэтики. Говоря языком когнитивной стилистики, в романе представлен целостный смысловой пласт – православная картина мира, – организующий зону пересечения авторской и национальной картин мира на основе их аксиологической составляющей. В соответствии с основными категориями картины мира – категориями времени, пространства и человека – в православной картине мира романа выделяются следующие концепты: «храм» (картина идеального пространства бытования веры), «вера» (связь человека с Богом), «любовь» (основа отношения человека к человеку в соответствии с канонами православия) и «народ» (связь человека с людьми).

Принципиально важно исследовать особенности передачи этих концептов в переводах одного из репрезентативных фрагментов романа – главы «Верующие бабы». Она является самой прямой на протяжении всего романа отсылкой к русскому народу, который, как известно, воплощал для Достоевского самые драгоценные качества – доброту, подлинную веру в Бога, смирение – и таил в себе уникальный потенциал будущего нравственного преображения всего человечества. В этой главе отсутствует непосредственное изображение картины идеального бытия в соответствии с православными канонами. Достоевский ни в коей мере не идеализирует верующих, показывает их грехи и даже невежество относительно православных традиций (сомнения одной из баб, поминать ли пропавшего без вести за здоровье или за упокой). Однако сама композиция главы служит своеобразной моделью пути истинно верующего к вере, радости и благодати. Каждая из че-

тырех женщин, с которыми беседует старец Зосима, как бы воплощает определенный этап становления веры. Показательно, что и эти второстепенные персонажи испытывают то чрезвычайное напряжение чувств, тот «надрыв», который характерен для всех главных героев романа, что позволяет включить их в целостную авторскую концепцию русского национального характера. Определяющей чертой их образа является православная вера. Проходя через беснование («кликушество»), горе, страдания, сомнения и отчаяние, православно верующий обретает тихую радость, покой и просветление. Не случайной глава заканчивается сценой, где молодая мать с ребенком (символ будущего и вечного обновления мира) пришла поделиться с «такой, какая <...> бедней» [3. С. 49]. Так рождается радость в сердце Зосимы и моделируется микрообраз православного мира, где царят любовь к ближнему и единение не только в горе, но и в радости.

Наиболее яркую репрезентацию из всех концептов православной картины мира в главе «Верующие бабы» получает концепт «любовь», который реализуется не столько в повествовании рассказчика, сколько в прямой речи персонажей за счет специфических языковых средств, часто имеющих национальную маркированность. Стоит отметить, что «сам писатель придавал исключительно большое значение языковой форме, в которую облакаются высказывания его героев, о чем разнообразно свидетельствуют и его творческие рукописи, и его письма, и соответствующие оценочные замечания в его произведениях» [4. С. 146]. По наблюдению Е.А. Иванчиковой, в отличие от главных героев, которые раскрываются во всей глубине за счет многогранных художественных средств, для второстепенных их речь нередко является единственным средством характеристики [4. С. 149]. Подчеркнем, однако, что такая характеристика не сводится лишь к указанию на социальную принадлежность героинь рассматриваемой главы, но включает в себя комплекс их мировоззренческих позиций.

Специфика православно маркированной речи приобретает особенное звучание в переводческом аспекте. Давно признано, что национально окрашенная речь, а тем более просторечие, являются труднопереводимыми элементами художественного текста. Известный переводчик Нора Галь отмечает большую роль тонкого стилистического чутья переводчика: при передаче просторечия «вернее всего пользоваться простым, подчас даже примитивным синтаксисом, просто строить фразу и – да, в самом деле – прибегать к нашему просторечию. Но не везде же оно годится, наше просторечие – и не каждое слово годится!» [5. С. 108–109].

Сам рассказчик также характеризует ритмический рисунок речи героев-носителей православного народного сознания: женщина в главе «Верующие бабы» говорит «нараспев», «как бы причитывая» [3. С. 45]. Синтаксический строй такой речи отличается обилием повторов, однородных членов предложения, неполными предложениями (очень часто отсутствует местоимение «я»), инверсией. В лексико-морфологическом плане самой яркой отличительной чертой такой речи является частое употребление слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами, что отражает особое, любовное отношение православно верующего к миру и людям. Любовь эта особого рода, граничащая с умилением и надрывом, особенно если героиня говорит о потере ребенка. Кроме того, важной особенностью речи является частое включение обращений, в данном случае к старцу Зосиме, что также указывает на специфическую форму восприятия другого в сознании православно верующих, на постоянную потребность в отзывчивом и сочувствующем сердце ближнего. В обращениях также очень часты уменьшительно-ласкательные суффиксы, либо сама форма обращения предполагает выражение любви к ближнему: «милий», «родной».

Приведем комплексный анализ одного примера и сделаем некоторые статистические обобщения.

	Тебя повидать, <i>отец</i> , прибыла. Слышали о тебе, <i>батюшка</i> , слышали. Сыночка младенчика схоронила, пошла молить бога. В трех монастырях побывала, да указали мне: «Зайди, Настасьюшка, и сюда, к вам то есть, <i>голубчик</i> , к вам» [3. С. 45]
Rahsin	Bin gekommen, um dich zu sehen. Wir haben von dir gehört, <i>Vater</i> , viel gehört. Habe mein Söhnchen, mein kleines, beerdigt, bin gegangen, um zu Gott zu beten. Bin in drei Klöstern gewesen, doch alle sagen sie mir: «Geh hin, Nastasjuschka, geh hin, zu ihm»; zu dir, <i>mein Täubchen</i> , soll ich gehen [6. С. 79].
Подстрочник	Пришла, чтобы увидеть тебя. Мы слышали о тебе, <i>отец</i> , много слышали. Моего сыночка, моего маленького похоронила, пошла молиться богу. Была в трех монастырях, но они все сказали мне: «Иди туда, Настасьюшка, иди туда, к нему», к тебе, <i>мой голубчик</i> , должна я идти.
Röhl	Um dich zu sehen, bin ich gekommen, <i>Vater</i> . Wir haben von dir gehört, <i>Vater</i> , wir haben von dir gehört. Mein kleines Söhnchen habe ich begraben, und da bin ich gegangen, zu Gott zu beten. In drei Klöstern bin ich gewesen, und nun haben mir die Leute geraten: Geh auch noch dorthin, Nastasjuschka! Das heißt, zu Ihnen, <i>Täubchen</i> , zu Ihnen [7].
Подстрочник	Чтобы увидеть тебя, я пришла, <i>отец</i> . Мы слышали о тебе, <i>отец</i> , мы слышали о тебе. Моего маленького сыночка я похоронила, и потом я пошла молить бога. В трех монастырях я была, и вот посоветовали мне люди: Иди еще туда, Настасьюшка! То есть к вам, <i>голубчик</i> , к вам.
Ruoff und Hoffmann	Dich zu sehen, <i>Vater</i> , bin ich gekommen. Wir haben von dir gehört, <i>Väterchen</i> , ja, gehört. Mein kleines Söhnchen habe ich begraben, dann ging ich wallfahren. In drei Klöstern bin ich gewesen, doch man hat mir geraten: «Geh, Nastasjuschka, auch dorthin», zu Euch heißt das, <i>mein Liebling</i> , zu Euch [8. С. 69].
Подстрочник	Тебя увидеть, <i>отец</i> , я пришла. Мы слышали о тебе, <i>батюшка</i> , да, слышали. Моего маленького сыночка я похоронила, потом пошла я паломничать. В трех монастырях я была, и посоветовали мне: «Иди, Настасьюшка, еще туда!», к вам, значит, <i>мой дорогой</i> , к вам.
Geier	Um dich zu sehen, <i>Vater</i> , bin ich gekommen. Haben von dir gehört, <i>Väterchen</i> , haben viel gehört. Das Söhnchen, das kleine Söhnchen habe ich beerdigt. Da machte ich mich auf, um zu Gott zu beten. Drei Klöster habe ich schon aufgesucht, da haben sie mir gesagt: «Gehe hin, Nastassjuschka, gehe auch dahin, das heißt, zu euch, <i>mein Lieber</i> , zu Euch» [9. С. 81].
Подстрочник	Чтобы увидеть тебя, <i>отец</i> , я пришла. Слышали о тебе, <i>батюшка</i> , много слышали. Сыночка, маленького сыночка я похоронила. Потом собралась, чтобы молить бога. Три монастыря я уже разыскала, там они мне сказали: «Иди туда, Настасьюшка, иди еще туда, значит, к вам, <i>мой дорогой</i> , к вам».

В переводе Разин отсутствует обращение в первом предложении, а второй аналогичный элемент переведен со снижением эмоциональной окраски, поскольку опущен уменьшительно-ласкательный суффикс. В то же время последнее из трех обращений – «голубчик» – в переводе Разин передано буквально и, вероятно, вызывает затруднение у немецкого читателя. Переводы Руоффа–Хоффманна и Гайер предлагают, на наш взгляд, адекватные замены выделенным обращениям, в которых сочетаются как типичные для немецкой речи формы *Lieber*, *Liebling*, так и несколько непривычное *Väterchen* (в современном немецком языке этот вариант считается устаревшей формой обращения к религиозному наставнику). Сама форма «батюшка», предполагающая не столько поклонение и иерархию (как в католичестве), сколько доверительное и любовное отношение к ближнему, характерна только для православной традиции, и два поздних перевода демонстрируют внимание к этой особенности.

Обращает на себя внимание специфическая форма словосочетания «сыночка младенчика», также подразумевающая распевную, итеративную интонацию. В переводах Рёля и Руоффа–Хоффманна она выстраивается линейно, что приводит к потере интонационного эффекта. На наш взгляд, наиболее удачно эмоциональность подлинника воссоздана в переводе Разин, и, что интересно, именно благодаря некоторым отступлениям: двойному включению местоимения «mein» и адъективации существительного. В результате достигается непосредственность и теплота звучания фразы. Гайер предлагает схожий вариант, но без местоимения «мой» (которое не всегда несет такую же смысловую нагрузку, как в русском языке, и часто является в немецком языке формальным элементом). Поэтому вариант Гайер звучит несколько обезличенным и «сухим». Во всех переводах достаточно полно сохранена синтаксическая структура оригинала, повторы и фрагментарность предложений.

Аналогичные закономерности выявлены и в ряде других примеров. Интересно рассмотреть переводы окказионализма «трехлеточек» («Сыночка жаль, батюшка, трехлеточек был, без трех только месяцев и три бы годика ему» [3. С. 45]), сама форма которого отражает боль, жалость и бесконечную любовь матери. Лишь в переводе Разин сделана попытка передать эмоциональный фон слова за счет уменьшительно-ласкательного суффикса («ein dreijähriges Kindchen» [6. С. 79]), в остальных же переводах передан лишь информативный компонент и снята вся стиливая специфика словоупотребления. Стоит отметить такую особенность перевода Гайер, как употребление сокращенных форм глагола первого лица (без окончания -e) («Mein Söhnchen beweine ich» [9. С. 81]), что является очень распространенной чертой современной немецкой разговорной речи и, несомненно, в восприятии сегодняшнего немецкого читателя представляется адекватным способом передачи разговорного характера речи героини.

Стоит отметить, что во всех переводах речи женщины, потерявшей ребенка, фраза «бежит ко мне, кричит да смеется» [3. С. 46], данная в настоящем времени, словно призванная обратить время вспять и действи-

тельно представить живую картину происходящего в данный момент, тем самым еще сильнее подчеркивая горечь утраты, переведена формами прошедшего времени и в читательском восприятии рисуется картина безнадежно ушедшего. Тонкий эмоциональный нюанс остался незамеченным всеми переводчиками.

Важно отметить грамматическую форму глаголов в следующей фразе: «Вот его поясочек, а его-то и нет, и никогда-то мне теперь не видать, не слышать его!..» [3. С. 46]. Неагентивная форма «не слышать, не видать», передающая покорность судьбе, труднопереводима на немецкий язык, однако у Гайер заметна попытка компенсации этого приема: функцию инфинитивов в русской фразе частично выполняет модальный глагол «sollen» («niemals soll ich von nun an ihn sehen oder hören...!» [9. С. 83]).

Наиболее яркую репрезентацию из концептов православной картины мира в главе «Верующие бабы» получает концепт «любовь». Формами реализации его смыслового потенциала в прямой речи персонажей выступают уменьшительно-ласкательные суффиксы и многочисленные обращения. В целях объективного представления результатов исследования можно составить статистические таблицы вариантов передачи всех случаев употребления существительных с уменьшительно-ласкательными суффиксами и обращений в речи старца Зосимы и женщин из народа, что позволяет выявить некоторые закономерности передачи этих единиц в переводах. У Разин достаточно четко различается отношение женщины к предмету речи: так, если она говорит о своем ребенке, то перевод преимущественно передает диминутивные компоненты. В остальных случаях этого не наблюдается. В переводе Германа Рёля самый высокий процент опущения уменьшительно-ласкательных суффиксов (в 10 из 26 случаев существительные переданы без суффикса), что зачастую представляется совершенно неоправданным («Füßen» вместо «ножками» [3. С. 46]). Одним из недостатков перевода Светланы Гайер является употребление определенного артикля перед «Söhnchen» в словах женщины вместо более естественного в таком контексте (и вообще по правилам немецкой грамматики) местоимения «mein» («мой»). Наибольший процент сохранения оригинальных стилистических элементов демонстрирует перевод Ханса Руоффа и Рихарда Хоффманна (диминутивные суффиксы не переданы лишь в 3 случаях из 26). Наблюдается нетипичное сохранение суффикса в трех переводах при передаче слова «минуточку» («nur ein Minütchen» у Разин [6. С. 81], и «ein einziges Augenblickchen» у Рёля [7] и Руоффа и Хоффманна [8. С. 70]) и непереводимость окказионализма «трехлеточек» [3. С. 45].

Что касается обращений, то можно отметить, что в целом старец Зосима употребляет их реже, чем его собеседницы, и часто его обращения номинируют главную сущность женщины: четыре раза он неизменно обращается к женщине, потерявшей ребенка, как «матери», а последнюю собеседницу с ребенком на руках, порадовавшую его добрым поступком, называет «милая», «добрая» [3. С. 48–49]. В целом переводы демонстрируют высокую степень сохранения функциональной роли обращений в рассматриваемом отрывке. Час-

тым приемом компенсации передачи любовного отношения является включение местоимения «mein» («мой»), что особенно характерно для перевода Светланы Гайер. В то же время именно у Гайер наибольший процент опущения обращений (не переведены 4 из 41 обращения). В переводе Руоффа и Хоффманна заметно стремление приблизить просторечные интонации героев немецкому узусу за счет местоимения «du» («ты») в тех случаях, когда его нет в оригинале, например «du mein Augenlicht» («свет») [8. С. 74]. В переводе Разин обращение «бабушка» (прямой эквивалент, предлагаемый остальными переводчиками – «Väterchen») всегда заменяется на «отец» («Vater»). Вероятно, в представлении Разин, создававшей свой перевод на рубеже веков, фигура старца Зосимы должна была нести ореол величия и внушать почтение, а уменьшительно-ласкательный суффикс мог бы снизить этот эффект. Буквальный перевод слова «голубчик» («Täubchen»), который дают Разин и Рёль, звучит непривычно для немецкого читателя. Остальные варианты обращения, в том числе характерные для русской разговорной речи («желанный», «родненькая», «родимый», «любезные»), находят вполне адекватные средства замены, не вызывающие непонимания у немецкого читателя.

Можно заключить, что интонационный рисунок речи персонажей с наибольшей полнотой передается в позднем переводе, выполненном Светланой Гайер, за счет воссоздания таких его особенностей, как отрывочность, не прямой порядок слов, обилие повторов, и употребления элементов современной немецкой разговорной речи (усеченная форма глагола первого лица настоящего времени). Немецкие переводчики достаточно полно передают эмо-

циональные коннотации слов персонажей, заключенные в уменьшительно-ласкательных суффиксах, однако в переводе Германа Рёля многие из этих компонентов неоправданно опущены. В ряде случаев переводчики применяют калькирование оригинальных окказионализмов, нарушая нормы немецкого узуса. При переводе обращений частым приемом компенсации эмоционального колорита речи персонажей служит включение местоимения «мой». Этот вариант удачно вписывается в общий контекст содержательной линии православной картины мира, поскольку устанавливает отношение близости и духовного родства между двумя людьми (а это особенно актуально, поскольку в немецком языке отсутствует прямой эквивалент слов «родной», «родимый», «родство» и т.п.). Нередко переводчики предлагают корректные варианты замены русских обращений.

Таким образом, в главе «Верующие бабы» в речи персонажей-носителей православного сознания ярко проявляется такой компонент православной картины мира, как чувство глубокой любви к ближнему и умиления, что демонстрируется через обилие уменьшительно-ласкательных суффиксов и частое употребление обращений к собеседнику. Эти компоненты, наряду с особым синтаксисом разговорной речи, создают целостную речевую характеристику персонажей главы и служат ярким репрезентантом феномена «русскости». В переводе смысловая полнота оригинала может обедняться в случае опущения этих элементов.

Динамика рассмотренных переводов демонстрирует тенденцию к более глубокому и точному воссозданию особенностей оригинала, неразрывно связанных с православной составляющей русской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Криницын А.Б. Достоевский в Германии // Достоевский и XX век / Под ред. Т.А. Касаткиной. М.: ИМЛИ РАН, 2007. Т. 2. 576 с.
2. URL: <http://www.haus-der-literatur.de/newsextra/dostojewski.html#deutsche>
3. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 14.
4. Иванчикова Е.А. Как говорят герои Достоевского // Достоевский и современность: Материалы VIII Междунар. «Старорусских Чтений». Новгород, 1994. С. 143–152.
5. Галь Н.Я. Слово живое и мертвое. Из опыта переводчика и редактора. 4-е изд., доп. М.: Книга, 1987. 272 с.
6. Fjodor M. Dostojewski 'Die Brüder Karamasoff'. Roman. Aus dem Russischen von E.K. Rahsin. Piper München Zürich. 7. Auflage 2002.
7. Fjodor M. Dostojewski 'Die Brüder Karamasow'. Roman. Aus dem Russischen von Hermann Röhl. URL: http://guttenberg.spiegel.de/index.php?id=5&xid=455&kapitel=1&cHash=1&hilite=dostojewski#gb_found
8. Fjodor M. Dostojewski 'Die Brüder Karamasow'. Aus dem Russischen übertragen von Hans Ruoff und Richard Hoffmann. Düsseldorf: Albatros Verlag, 2004.
9. Fjodor M. Dostojewskij 'Die Brüder Karamasow'. Aus dem Russischen von Swetlana Geier. Fischer Taschenbuch Verlag GmbH, Frankfurt am Main, 2006.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 26 февраля 2010 г.